

Никольский Н. М. Профессор.
Религия, как предмет науки. 48 стр.
Тираж—3.000 экз. Минск.

Книжка представляет из себя стенограмму доклада, читанного профессором Никольским на торжественном заседании Белорусского Университета.

Написана коротко и сжато и рассчитана, очевидно, на подготовленного читателя. Нового книжка ничего не дает, и представляет только суммарный монографический интерес. Издана хорошо.

133
С-317854

Проф. Н. М. Никольский.

РЕЛИГИЯ,

=== КАК ПРЕДМЕТ НАУКИ. ===

Издательство „Белтрестпечатъ“
МИНСК—1923 г.

1964 г.

Речь, произнесенная на тор-
жественном собрании Государ-
ственного Белорусского Универ-
ситета 30-го октября 1922 г.

2010

Религия, как предмет науки—новая дисциплина в русских университетах и молодая дисциплина в университетах запада. Она с трудом высвобождается из пут богословского изучения всех различных конфессиональных школ и направлений, и нередко случал, когда представители этой молодой отрасли научного знания примешивают к определению сущности и задач своей дисциплины традиционные взгляды, унаследованные от богословия. Поэтому прежде всего мне представляется уместным дать некоторые общие определения, которые совершенно точно и без всяких недомолвок подчеркнули бы сущность дела, определили бы понятие изучаемого явления.

Наука имеет дело с миром явлений естественного порядка, которые могут и должны быть доступны нашему познанию с помощью тех познавательных средств, какими мы обладаем; наука, поэтому, не может заниматься изучением явлений сверх'естественного, сверхчувственного порядка. Далее, наука, изучая тот или иной порядок

однородных явлений, хотя и допускает между ними индивидуальные различия, количественные и качественные, всегда, однако, расценивает их одинаково, как явления одного и того же ряда. Отсюда, как скоро религия становится предметом научного изучения, она не может изучаться с каких-либо иных точек зрения, нежели любой другой объект науки. Привлекая религию в круг объектов своего исследования, наука видит в религии явление такого же естественного порядка, как и всякое другое явление; и при этом на религию целиком распространяется вся сумма признаков, определяющих явления естественного порядка. Отсюда, с точки зрения содержания, в религии для науки не может быть ничего объективно сверхъестественного; с точки зрения генетической, религия для науки есть такое же обусловленное явление, как всякое другое явление человеческого общежития. Далее, все индивидуальные явления порядка, называемого религией, различаясь некоторыми признаками количества и качества, по совокупности общих признаков для науки всегда будут явлениями одного и того же ряда, и с научной точки зрения из среды религий не может быть допущено выделение какой-либо

одной религии в ранг абсолютной и совершенной. Если не даны, не усвоены эти предпосылки, то не может быть научного изучения религии, и в таком случае в данной стране или в работах данного ученого нет религии, как предмета науки, но она еще остается предметом богословия. Борьба за высвобождение науки о религии из богословских пут дает в этом отношении чрезвычайно показательные примеры.

Богословское изучение религии исходит как раз из противоположных предпосылок. Для богословия основной факт есть объективное существование сверхъестественного, сверхъестественного мира, и религия, как явление, определяющее отношение человека к этому миру, тем самым выделяется из ряда всех прочих явлений на особое исключительное место: в противоположность всем прочим религия считается имеющей дело со сверхъестественным миром, его проявлениями и постулатами. Далее поскольку богословское изучение всегда в противоположность научному есть изучение конфессиональное, постольку для богослова любой вероисповедной группы все религии никогда не могут быть равноценными. Свою религию он всегда будет рассматривать, как абсолютную,

единую истинную, а все прочие для него в лучшем случае будут лишь слабым, неверным и условным проявлением тех-же истин, которые, по его убеждению, в абсолютной форме раскрыты самым божеством в его религии. Таким образом претензии на первое непогрешимое место заявлены и христианами, и буддистами, и иудейством, и исламом, и многими другими религиями. И потому центр тяжести богословского изучения лежит всегда не в исследовании, а в догматике, не в критике, а в апологии. Пользуясь иногда и чисто научными методами, богословие применяет их для достижения своих специфических целей — не для раскрытия еще не достигнутой истины, но для доказательства уже имеющейся в наличии истины. В Европе эти взгляды и методы господствовали безраздельно в эпоху средневековья, на основе всепоглащающей феодальной теократии. Не было тогда вообще самостоятельной науки, была лишь служанка богословия; не было господствующей теперь аксиомы о естественных законах, управляющих мировым порядком, но промысел божий повсюду и бесспорно считался единым законом мира. И поднимаясь тогда против эксплуататоров, крестьяне и ремеслен-

ники ждали избавления не от своей человеческой борьбы, а от помощи небесных сил; рядом с крестьянским башмаком на знаменах повстанцев фигурировали богородица и святые. Возвышались несколько над общим уровнем только отдельные лица, преимущественно на юге Европы, в торговых приморских городах Италии и Сицилии, где постоянно сталкивались представители трех крупнейших тогда религий, христианства, ислама и иудейства. Там была популярной притча о трех кольцах, вошедшая в Декамерон Боккаччо и дававшая на вопрос о первенстве одной из этих трех религий уклончивый ответ: как нельзя было сыновьям героя притчи различить, у кого кольцо волшебное, и у кого кольца поддельные, пока сыновья не прожили своей жизни, так нельзя сейчас, пока не выяснилась историческая судьба христианства, иудейства и ислама, сказать, какая из этих трех религий истинная. Но этот уклончивый ответ знаменует лишь первый проблеск религиозного скептицизма. Он еще не признает равноценности религий, но лишь отказывается быть между ними судьей; он еще всецело признает, что в ходе исторического процесса в конце концов раскроется божественная правда, которая и разрешит задачу.

Первая серьезная брешь в богословской твердыне пробивается эпохой открытий и реформации. Экономически эта эпоха знаменует собою крушение феодализма и первые шаги хищнического капиталистического накопления. Психологически и динамически на этой почве перед нами проходит полоса безумных дерзаний человека. Неслыханные по отваге и риску океанические путешествия; открытие новых стран; переворот в космических понятиях; потоки золота в Европу; массовые народные движения на почве экономического переворота; падение ореола папской власти; раскол в католической церкви; протестантизм и его лозунг: свободное исследование писания. Это — апогей, идеологическое завершение двухвековой эпохи дерзаний. На место императивной догмы, декретируемой из Рима, становится право каждого верующего толковать и понимать писание по своему. Правда, не следует этой перемены преувеличивать, смотреть на нее через те очки, чрез которые чуть ли не до конца XIX века смотрела на нее застывшая в старых оценках историография реформации. Свобода исследования писания означала прежде всего свободную критику католической догмы с точки зрения Библии; само лю-

теранство скоро замкнулось в догму и полвека спустя после Лютера пыталось поставить на место принципа свободного исследования лютеранский cateхизис, а Кальвин еще в разгар реформационного движения выдал на сожжение Сервета, который путем свободного исследования пришел к отрицанию догмата троичности. Но тем не менее в богословской твердыне центра Европы пробивается брешь; с этих пор протестантское богословие — хромой то на левую то на правую ногу. Яд рационализма, раз всосавшись, уже ничем не может быть изгнан, и медленно, но верно, делает свою работу. Вместе с тем принцип единства и истинности христианской религии вследствие раскола протестантизма дал трещину, которую уже ничем нельзя было заделать.

Но в то время, как в среде протестантского богословия шла эта борьба, струя нового отношения к религии пробивалась с другой стороны. В XVII веке стали сказываться во всех отношениях результаты эпохи открытий. Путешествие по вновь открытым странам, более близкое знакомство, благодаря успехам мореплавания, с прежде известными внеевропейскими странами — все это приводит к неожиданным открытиям

во всех областях, в том числе и в области религии. В 1662 г. Игнацио да Коста издает по китайски с латинским переводом „Великое учение“ Конфуция; перед учеными и богословами Европы неожиданно раскрывается религиозное учение, невиданной до того глубины, имеющее сотни миллионов последователей. По достоинству оценил новое открытие Вольтер; для него эти 300 миллионов китайских буддистов с их чисто моральным учением, отсутствием мифа и обрядности, кажутся успешными соперниками христианства, которое уступает этой великой восточной религии и в глубине учения и в числе приверженцев. Этот приговор знаменателен; но он не одинок. Просветительная философия XVII и XVIII века в области религии, под влиянием необычайного подъема естественно-научных знаний, приходит к деизму. Для последнего все исторические религии без различия суть скопища суеверий и обманов; остается в силе только чисто абстрактное представление о божестве, как первопричина мира: божество пустило мировой механизм в ход и тем выполнило свою задачу, предоставив космосу вертеться по вечно неизменным законам. Но это отношение рационалистической философии к ре-

лигии не было научным отношением. Отрицая разумность, а следовательно и право на существование исторических религий с их мифологией и культурами, она грешила и тем, что презрительно выбрасывала из сферы научного исследования огромную, существующую исторически и в быту область явлений, и тем, что постулировала существование сверхъестественного исходного пункта, основы тех самых явлений, самое право на существование коих она же отрицала. Рационализм был силен своей полемикой против абсурдов религиозной католической практики; но для науки о религии он не мог дать достаточно солидного фундамента, поскольку в теории он допускал объективное бытие сверхъестественной силы.

Науку о религии создает только XIX век. Торжество капитализма, точных наук, техники создает такую атмосферу, в которой перевертывается отношение между человеком и природой. Поскольку религия, упрощая понятие о ней до минимума, в каждый данный момент есть отношение между тем, что мы знаем о природе вещей, и тем, чего мы не знаем, постольку XIX век радикально изменял это соотношение не в пользу религии. Тайны природы исчезали

одна за другою, стихи одна за другой подчинялись человеческой воле; человечество побеждало расстояние, воду, гром и молнию, фантастические грезы становились действительностью. Научные методы торжествовали по всей линии, оправдывая себя непрерывным рядом побед; и перед силой этих научных методов должно было склониться прежде всего протестантское богословие. Его судьбы в эту эпоху особенно поучительны, и на них я позволю себе остановиться подробнее.

Пред лицом всепобеждающего научного духа церковь и богословие должны были перестроиться, изменить свои методы, чтобы не потерять своего влияния на умы и сохранить свои позиции. Они вынуждены были пойти на уступки научному методу; и на первом месте здесь оказываются протестантские страны, в особенности Германия, Голландия и Англия. Старый принцип свободного исследования писания, провозглашенный в XVI веке, вновь оживает и культивируется; он кажется теперь своевременным и наиболее удобным орудием для укрепления богословия и христианской религии. К изучению Библии, апокрифов, творений отцов церкви начинает применяться обще-

научный метод исследования литературных источников; производится грандиозная по замыслу и по результатам работа по исправлению текста Библии и других источников христианской религии, по приближению его возможно больше к первоначальным оригиналам; содержание произведений библейской и ранне-христианской литературы подвергается необычайно тонкому и остроумному анализу, помогающему разрешить вопросы о времени происхождения, составе и авторах произведений этих литератур не на основании данных традиции, а на надежном научном фундаменте. Как будто неслыханная, недопустимая дерзость: то что, вчера считалось написанным под диктовку святого духа, сегодня разлагалось на составные части, как какая-нибудь Илиада или история Тита Ливия. Традиционные фетиши падали один за другим: сегодня Моисей, завтра Давид, после завтра евангелисты; мало того, что их развенчивали, как авторов библейских произведений; иные смелые богословы отказывали им даже в историческом существовании. Еще в восьмидесятых годах ветхозаветник Штаде утверждал, что Моисей есть чисто мифическая личность, а вслед за Штаде протестантский богослов Кальтгоф

первый высказывает сомнение в историческом существовании Иисуса.

С первого взгляда как будто самоубийственная работа: если все книги Библии не аутентичны, если даже и Иисуса никогда не было, то не есть ли это конец богословию? не становится ли христианство такою же обусловленною религией, как и все прочие? Нет: критика человеческого разума—отвечают на это сомнение критические богословы—простирается только на дело человеческих рук. Совершенно неважно, кто был автором библейских произведений, целны они или нет, и когда они написаны, поскольку дело касается раскрываемых в них истин абсолютной религии. Они, эти истины, могли быть высказаны в разное время, разными лицами, в разной форме и по разным мотивам; но их источник один—божественное откровение, раскрывающееся не сразу, а постепенно, не грубым образом напечатывания святого духа, а чрез развитие и раскрытие божественной сущности человеческого духа. И отсюда вполне понятна позиция также и Кальтгофа: дело не в том, был личный основатель христианства или нет, а в том, является ли вложенное в его уста евангельское учение откровением аб-

солютной религии, или нет. Такой аргументацией спасало свое дело богословие, делая его якобы „научным“, критическим, но вместе с тем сохраняя основную позицию абсолютного характера христианской религии. Однако, новая позиция таила в себе и слабость, благодаря своей внутренней противоречивости, и результаты этого не замедлили сказаться.

Одновременно с успехами критического направления в изучении Библии и христианства, быстро и пышно расцвели исторические дисциплины, изучавшие восточную и античную древность. Курганы Месопотамии, гробницы фараонов, холмы Греции, катакомбы Италии отдали науке свои сокровища, погребенные там в течение столетий; и новый свет пролился на проблемы, связанные с изучением израильско-иудейской религии и первых веков христианства. Первое время богословы пытались закрыть глаза на этот свет; но скоро нельзя стало не видеть того, что видели все. А то, что видели все, сводилось к констатированию колоссального влияния, какое испытало на себе раннее христианство со стороны самых разнообразных религий греко-римского и восточного мира и античных философских

систем. Абсолютный характер христианской религии казался самоочевидным, пока можно было защищать полную оригинальность ее учения и культа, независимую от каких-либо сторонних влияний. Но когда оказалось, что мифы о рождении Иисуса суть перифразы восточных и римских мифов, что догмат об искуплении есть христианский синтез целого ряда однородных представлений египетских, вавилонских, малоазиатских и персидских верований, что христианские таинства имели своих предшественников в тайных обрядах греческих мистерий, что учение о триничности есть результат проникновения христианского богословия неоплатонизмом, и т. д., и т. д., — тогда нельзя было защищать незащитимое, и пришлось соизваться в синкретическом характере христианской религии. Но и тут оказались заранее заготовленные позиции: теорию откровения абсолютной религиозной истины без особого труда оказалось возможным распространить на все человечество. Новый оборот старого положения гласил, что эта абсолютная истина раскрывается в самой разнообразной форме, находит себе посредников во всех странах, во все века и у всех народов. И самое наличие оригиналов для це-

лого ряда кардинальнейших составных частей христианской веры и культа, с точки зрения богословия, доказывало не обусловленность христианской религии, а именно ее истинность: все отдельные потоки, как бы по велению единой воли, после целого ряда извивов, преград и ложных направлений, сливаются воедино в одном великом и бесконечном христианском море.

Но когда, в конце XIX века, критическое богословие стало окапываться на этой новой позиции, вся прочая обстановка изменилась до неузнаваемости, и то, что было сдано, усилило противника самым серьезным образом. В самом деле, рост успехов естествознания и техники давал основу для построения безрелигиозного мирозерцания, материалистическая философия и механическое понимание мира грозили покончить с положением о сверхъестественном виновнике мира. Божество из объективной сущности превращалось в субъективное понятие, и тем самым открывалась возможность подойти к исследованию происхождения и развития этого понятия обычным научным путем. Детальное изучение истории возникновения христианства в то же время показало, что мы в лице христианства имеем

дело с такой же исторической религией, как и все прочие, и что в ряду других оно даже не является самым крупным по размерам. Предпосылки для изучения религии путем научного метода, таким образом, были даны; и действительно, к концу XIX века мы видим первые робкие шаги новой науки, науки о религии.

Вступление богословия на путь критического метода значительно облегчило новой науке ее первые шаги; но ее зарождение произошло независимо от богословия, и ранее описанного поворота в богословии; ее источник — не богословие, но другие области научного знания. Наука никогда не может родиться от веры; ее основа не чувство, но интеллект; богословие может претерпеть еще тысячи превращений, сделать еще ряд отступлений, но оно никогда и само не превратится в науку, и не даст начала новой науке. Подлинные корни науки о религии — сравнительное языковедение, этнография и наука о первобытной культуре.

Генетическая связь науки о религии с указанными дисциплинами станет для нас ясной, если мы еще раз учтем первую основную предпосылку превращения религии в предмет науки, указанную в начале, а

именно, последовательное и твердое признание религии явлением естественным и обусловленным. Всякое естественное явление имеет свое начало; отсюда, если бы было доказано, что религия, подобно семье, собственности, государству и иным элементам социальной жизни, имеет свое определенное и естественное происхождение, то тем самым религия сделалась бы законным объектом научного исследования. Религия, бесспорно, принадлежит к числу самых древнейших культурных явлений; ее исконная древность и всеобщая распространенность давали богословию повод об'являть религиозное чувство прирожденным человеку и дарованым ему свыше так же, как и все другие чувства, свойственные человеческой природе. Отсюда понятно, что только углубление в древнейшие времена человеческой жизни на земле могло приблизить научное знание к проблемам происхождения религии. Сравнительное языковедение, идя ретроспективным путем, от современных чрезвычайно сложных и чрезвычайно разнообразных систем языка к более ранним и более общим языкам, как к родоначальникам теперешних языков, установило точную классификацию и генеалогию языков и посредством

У
СР
17
5
С

совершенно точного метода пришло к выводу о том, что все современные языки восходят по группам к соответствующим праязыкам, и что язык не есть что либо от начала данное и систематически законченное, но что он растет и развивается от отрывочных не вполне членораздельных звуков, издаваемых дикарем, к правильной речи сложившегося языка. При этом жизнь и рост языка определяются совершенно точными законами развития, протекающими из физиологических и психологических свойств человеческой природы. Этот результат исследований сравнительного языковедения имел колоссальное значение, поскольку такому, казалось, загадочному, почти сверхъестественному явлению, как дар человеческой речи, давалось совершенно естественное объяснение. Но помимо этого общего значения, как одной из величайших побед знания, открытия, к которым пришло сравнительное языковедение, имели и специальное значение по отношению к истории религии. Изучение проблем языковедения было немислимо без привлечения древнего литературного материала; а этот материал, на девять десятых состоявший из произведений религиозного харак-

тера, обогатил науку ценнейшим фондом для сравнительного изучения мифов, культов и верований, начиная от древнейшего закрепления их в письменной форме. Мало того, в древнейших языках религиозная терминология, номенклатура и религиозный способ выражения являлись фактами, которые требовали объяснения не только с бытовой и идейной стороны, но и со стороны истории языка, и при этом метод сравнительного языковедения часто давал ключ там, где в недоумении останавливались историки культуры. Чрезвычайно показательными в этом отношении были работы одного из основателей современной науки о языке, Макса Мюллера и ученых его школы. Изучение языка для Макса Мюллера было средством проникновения в историю мировых религий; с этой целью он еще на студенческой скамье, в 40-х годах XIX века, задумывает издание Ригведы, древнейшего и важнейшего памятника санскритской священной литературы, ради этого переселяется по окончании университета в Англию и на средства Ост-индской компании издает задуманный труд в 6 томах, приведя в изумление всех своих коллег по научной области. За Ригведой в издании Макса Мюл-

лера следуют другие памятники религиозных литератур востока, преимущественно примыкающие к буддизму. Таким путем в научный оборот было пущено колоссальное количество отчасти неизвестного, отчасти недоступного догоде материала, который, как казалось Макс Мюллеру, проливает яркий свет на сущности и историю религиозных явлений. К их объяснению М. Мюллер привлек прежде всего те данные, которые были добыты лингвистическим путем. Историю развития языка Макс Мюллер делил на четыре периода; образование религиозных понятий и символов он объяснял из развития языка и относил это образование только к третьему, мифологическому, периоду в жизни языка, когда путем олицетворения словесных метафор, своеобразной „болезни языка,“ возникли представления о божествах и рассказы о них — мифы; в центре этой первоначальной мифологии, по его мнению, стояло солнце, и первобытная религия, с его точки зрения, была соллярной по преимуществу и религией сил природы вообще. От такого начала дальнейшая история религии идет, по мнению Мюллера, параллельно истории языка. Он разделяет все языки на три главных семьи —

туранскую, с центром в Китае, семитскую и арийскую; соответственно с этим и религия, исходя из одного общего мифологического соллярного корня, в дальнейшем развитии разделяется на те же три ветви: первично туранскую, с центром в Китае, арийскую, к которой принадлежат браманизм и буддизм; (в лице последнего она сливается с туранской ветвью), и ветвь семитскую, к которой принадлежат иудейство, христианство и ислам; в христианстве семитская ветвь сливается с арийской. Теория Макса Мюллера грешила целым рядом дефектов, так как была построена на очень односторонней и субъективной основе; но она тем не менее с совершенной ясностью ставила вопрос об историческом происхождении и развитии религии, включая и христианство. И ослабить значение этого положения Макса Мюллера не могла даже такая его оговорка, что вся история религии представляется бессознательным движением вперед по направлению к христианству. Этой оговоркой он отдавал дань вековой традиции, вошедшей в плоть и кровь тогдашнего европейского общества, не замечая, что она является чисто словесной, и что по существу нельзя доказать, чтобы браманизм, буддизм и ислам бессознательно развивались по направлению к христианству.

Несмотря на все свои слабые стороны теория Макса Мюллера дала плодотворный толчок научной разработке вопросов первобытной религии. Стало чувствоваться, что основным вопросом, от разрешения которого зависит чисто научный подход к религии, есть вопрос о происхождении религии и о ее первоначальных стадиях развития; вместе с тем начинала сознаваться необходимость более широкой постановки исследования и более тесной связи с вопросами первобытной культуры. В самом деле, Макс Мюллер не считал нужным или не имел возможности привлечь к своему исследованию явления целой половины земного шара. Америка, Африка и Австралия для него не существуют; с другой стороны, строить картину первобытной религии и культуры только на данных языка и литературы, как делал Мюллер и его современник, близкий к нему по направлению Адальберт Кун, было слишком поспешно и рискованно. И только тогда, когда был привлечен богатейший и чрезвычайно показательный материал этнографических наблюдений и археологических остатков, и совершился поворот, знаменовавший собою новую эпоху. Только на *материальной* основе оказалось возможным достичь бо-

лее или менее надежных результатов для обоснования научного подхода к изучению религии.

Школа Макса Мюллера исходила из изучения древнейших литератур; но творчеству, закрепленному в литературе, предшествует творчество устное; литература есть уже результат классового расслоения, а устное творчество восходит еще к эпохе первобытного коммунизма. Продукты устного народного творчества в соединении с обрядностью и обычаями народного быта, объединяемые в настоящее время в одно целое английским термином *folklore*, стали предметом собирания и изучения еще ранее Макса Мюллера; пионерами здесь были знаменитые братья Якоб и Вильгельм Гриммы. Трудями школы, созданной почином Гриммов, был собран огромный материал народных преданий, сказок, поверьев, заговоров, обрядов и обычаев; некоторые из ученых этого направления соединяли солидаризм с фольклоризмом, и в этом смысле эпоху составила в русской науке знаменитый труд Афанасьева „Поэтические воззрения славян на природу.“ Разделяя воззрения школы Макса Мюллера на происхождение и сущность мифологии, Афанасьев, однако, для характеристики первобытной славянской ре-

лигии привлекает нетронутый еще дотоле материал русских народных обычаев и поверьев, и в обработке этого материала нередко поднимается неизмеримо выше своего авторитета, давая чисто материальное обоснование тем или иным верованиям. В этом отношении всегда классическими остаются у него страницы, посвященные домашним культам и поминальным обрядам. Таким образом, в работах фольклористической школы научный подход к изучению религии делает еще шаг вперед: от литературных рефлексов он переходит к непосредственным проявлениям первобытных религиозных воззрений, поскольку они сохраняются в пережитках народного быта и творчества. Намечается, но еще не осознается вполне, новый взгляд: религия была при своем возникновении не „болезнью языка“ и не обожествлением сил природы, а какою то составною частью народного быта и мировоззрения; первым богом было не солнце, а нечто неизмеримо более примитивное, как примитивен был в первобытную эпоху и сам человек. Этот взгляд, однако, не сразу мог обосновать свое право на существование, так как материал пережитков, заключающихся в фольклоре, при всем своем богатстве и красочности, все-та-

ки не давал достаточно надежного фундамента для суждения о характере первобытной религии, так как в течение веков он оброс целым рядом разнообразнейших инородных наслоений и подвергся различным искажениям и переработке. Новое направление могло рассчитывать на успех только при условии приближения исследования к подлинному первобытному человеку; и потому оно приобретает под собою прочную почву только к концу XIX века, когда делают огромные успехи изучение быта и религии так называемых первобытных народов, т. е. диких племен Африки, Америки и Австралии. Наука здесь шла вслед за колониальными захватами европейских держав; за плантатором и кунцом шел путешественник или искатель приключений, который, опираясь на захваченную уже базу, двигался дальше, в неисследованные еще страны, и открывал для географии и этнографии все новые и новые области, новые и новые перспективы. Народы экзотических стран, при всей примитивности их хозяйственного и общественного быта, конечно значительно ушли уже от той ступени культурного развития, которую можно было бы назвать, действительно, первобытной; но по сравне-

нию не только с европейской, но и с самыми отсталыми азиатскими культурами эти экзотические культуры с известным правом можно было назвать близкими к первобытной. И вот, знакомство с религиозными верованиями и культами экзотических народов привело к одному неожиданному выводу, имевшему решающее значение для научения корней религии. Оказалось, что на известной примитивной стадии культурного развития мы встречаем повсюду, под всеми широтами, в разных частях света, у всех без различия народов до деталей схожие верования и культы; оказалось, что в народной религии и так называемых культурных народов, одинаково как сошедших с исторической сцены, так еще и действующих на ней, цепко сохраняются религиозные пережитки, показывающие, что ранее, в соответствующую культурную эпоху, и эти народы имели такие же верования и культы, какие теперь живьем наблюдаются у малокультурных народов. Так, белорус 60-х годов, как его днепровский предок VIII—IX века, и как любой дикарь южных стран, хоронил с покойником орудия его ремесла, приносил духам мертвых жертвы, наряжал березку, служил священным камням и тысячам духов.

Раскопки, произведенные в Европе и Азии, на местах древних очагов культуры, целиком подтверждали эти наблюдения, и немые археологические остатки иной раз говорили громче, чем живая обрядовая песня или заклинание знахаря: повсюду для каменного и раннебронзового века обнаруживались неизменное наличие одинаковых способов погребения или сожжения и одинаковость предметов культа, и для этого поразительного явления, очевидно, могло быть только одно объяснение, заключающееся в том, что одинаковый религиозный быт предполагает неминуемо и одинаковые религиозные верования. Другими словами, выяснилось с полной очевидностью, что первоначальные формы религиозных явлений были совершенно одинаковы на всем земном шаре, как одинаковы были первичные формы хозяйственного и общественного быта; выяснилось также, что только различные условия дальнейшего культурного развития различных народов привели к разнообразию исторических религий, но так, что всегда сохранялись некоторые основные элементы примитивных верований и культов или в виде пережитков, или в виде преобразованных и опривченных в новую идеологию догматов

и обрядов. К 70-м годам XIX века эти результаты стали уже настолько очевидными, что начались попытки дать обнаруженному факту надлежащее объяснение.

Объяснения давались с двух концов. Первый ученый, выступивший с попыткой объяснения, естествоиспытатель Бастина, основоположник этнографии, как науки, и основатель Музея Народоведения в Берлине, находил, что это замечательное сходство религиозных верований и культов всех первобытных народов и предков теперешних культурных народов объясняется существованием в первобытную эпоху некоей одинаковой повсюду *Völkeridee*, общенародной идеи религии, общенародного религиозного мировоззрения. Однако это объяснение было недостаточно, поскольку оно само требовало объяснения: откуда же появилось само это мировоззрение? Ответ можно было дать только один: от общей основы, общего источника религиозных верований. Другими словами, этнография, наука о первобытной культуре и археология вплотную подвели научную мысль к вопросу о происхождении религии, и при том поставили этот вопрос не в плоскости общих соображений или идеологических спекуляций, а на почву строго проведенного материала конкретных фактов.

Этот материал оказывался принадлежащим к разряду фактов, вполне объяснимых с естественной точки зрения. Религия первобытного человека вращалась вокруг явлений его повседневной жизни, из которых явление смерти и явление жизни были наиболее близкими и остро чувствовавшимися и прежде всего требовавшими объяснения. Из них на первом плане должно было стоять для первобытной религии явление смерти, как это показывает преобладающее значение, какое имеет во всех первобытных религиях культ мертвых и происходящий от него культ предков; отсюда естественное явление смерти, страшное и непонятное, должно было быть, если не единственным, то одним из самых главных источников появления религиозных верований и обрядов. Таков был результат, к которому неминуемо приводило сравнительное изучение этнографического и археологического материала. Но отсюда религия выдвигалась в круг таких же естественных фактов, какими являются и все другие проявления человеческой культуры. На этой почве становилось возможным исследовать и установить общую схему развития религии от ее корня до стадии развитой религии крупных обществ. Та-

ким образом было положено основание подлинной науки о религии, получившей специальное наименование истории религии. Свое систематическое изложение она первоначально нашла в трудах ученых по преимуществу этнологической школы, которые, впрочем, неизменно связывали изучение корней религии с проблемами первобытной культуры. Интересна первая попытка, правда, черезчур схематическая и односторонняя, теперь устаревшая, известного этнолога и историка Липперта, который выводил из страха смерти первичную анимистическую стадию религии и затем развертывал стройную схему развития всех разнообразных видов и форм религии исключительно из веры в духов и души. Огромное значение имеют более осторожные работы англичан, Тэйлора, Лэнга, Фрезера и других. На основе материала, добытого сравнительной этнографией, строил свою систему происхождения и развития религии марксист Кун, книга которого является образцовой по ясности и изяществу метода и богатству фактической аргументации, хотя она и несвободна от некоторой узости основной и исходной точки зрения, унаследованной от Липперта. История религии постепенно обо-

соблюдается, как специальная дисциплина, и от других дисциплин. Она с 1897 г. имеет свои специальные съезды, которых до начала войны было пять, имеет свои периодические издания и в голландских университетах впервые в Европе получила свои отдельные кафедры.

Так постепенно, с разных концов, происходило превращение религии в предмет науки. Гибельное внутреннее противоречие, которое раз'едало критическую богословскую науку, облегчило борьбу за превращение религии в предмет науки. С того момента, как было доказано естественное происхождение религии и было дано рациональное объяснение ее содержания, зависимость христианства при его возникновении от других религий и философских систем, признания и критическим богословием и даже в значительной степени им доказанная, превратилась в самоочевидную вторую предпосылку научного подхода к религии: христианство, как и все другие религии, есть явление исторически обусловленное и по происхождению и по содержанию. И едва ли не лучшим признаком одержанной победы является в конце XIX и в начале XX века выступление целого ряда ученых с разнообразными край-

ними взглядами, являющимися как бы болезнью роста, неизбежной для всякого здорового организма. Тут любопытно мнение Груше, крупнейшего современного исследователя древне-греческой религии. Религия, по его мнению, есть такое же изобретение, как всякое иное достижение культуры; изобретатель религии, умный и ловкий человек, изобрел ее, как самое лучшее средство властвовать над людьми... С другой стороны, перед нами целая плеяда ученых, доказывающих, что Иисуса никогда не было, и что христианство есть совершенно стихийно возникший агрегат различных мифов и обрядов, популярных на римском востоке; крайний субъективизм аргументации и положений этих ученых и их разногласия по самым существенным пунктам делают их утверждение, что Иисуса никогда не было, весьма шатким; но за то в их работах, как нигде, ярко и сильно выражается глубокое и правильное научное убеждение в исторической обусловленности христианства.

Такова история науки о религии в трудах ученых специалистов академического мира. Но этим она далеко не исчерпывается. Рядом с академической наукой со второй половины XIX века выросла другая наука,

и как раз именно в области обществоведения, к которой относится и наука о религии. Эта новая наука выросла на почве исторического материализма или марксистского метода изучения истории, называемого так по имени своего основоположника, Карла Маркса. Марксизм родился из противоречий капиталистического общества; уже при своем зарождении он был связан с революционными выступлениями против капитала нового класса пролетариев, вызванного к жизни самим же капиталом. В свое время успехи капитализма, как было сказано выше, оказали огромное влияние на создание науки о религии и дали ей силу сделаться отдельной научной дисциплиной. Марксизм, как научная теория, не одерживал таких блистательных по эффектам побед; он рыл, как крот, но под его медленной работой падали одна за другою старые схемы в понимании истории, переворачивалось представление о взаимодействии отдельных составных элементов исторического процесса. Марксизм выдвинул и обосновал положение, что в основе социальной и политической жизни лежат экономические процессы, и что так наз. духовная культура—литература, искусство, религия, наука,—не есть явление,

самостоятельно развивающееся, и не может считаться определяющим фактором исторического процесса, но что, наоборот, она сама объясняется из материальных условий жизни данного общества. Историков-марксистов было немного, но влияние нового метода было огромно: для каждого мыслящего историка, для которого история есть не причудливое нагромождение фактов, вызванных к бытию произвольными действиями человеческой воли, но связанный процесс, закономерно и типологический развивающийся, исторический материализм оказывался плодотворнейшим научным методом. И в области науки о религии при его помощи наметились новые вехи, по которым должно было идти научное исследование.

Наиболее плодотворным оказалось применение материалистического метода в истории религии к религиозным явлениям в условиях развитой социальной жизни, ибо только здесь историки-материалисты могли стоять на собственных ногах и не искать фундамента для своих работ в трудах лингвистов и этнологов, как приходилось поступать при изучении происхождения религии и ее первичных форм. Изучая социальную жизнь во всех ее проявлениях, историки-

материалисты установили и особенно подчеркнули одну сторону религии, которая ускользала от внимания этнологов, лингвистов и богословов. Последние занимались больше всего идеологией и обрядностью религий, видя в этом основные признаки изучаемого явления, и мало обращали внимания на тот факт, что религия в целом есть социальное явление, группирующее людей, связанное неразрывными нитями со всей совокупностью экономических, социальных и политических отношений в данном обществе и в данную эпоху. Чем были бесчисленные культы бесчисленных греческих богов? Городскими культами. Чем пытался объединять римский принципат разношерстные составные части своей империи? Государственными культами императора и Рима. Чем была средневековая католическая церковь? Колоссальным хозяйственным аппаратом, охватывавшим своими шпальцами всю Европу и одно время заставлявшим королей приносить вассальную присягу римскому папе. Чем была русская церковь? Орудием помещичьего государства для господства над миллионами крестьян. Чем была и есть вообще религия для командующих верхов? Одним из средств поддержания их власти,

их авторитета, их доходов. Можно было бы привести еще десятки примеров, но и перечисленные говорят более, чем красноречиво.

Конечно, религия в ее исторической связи с общественной жизнью становилась орудием господства только потому, что это орудие било в цель, потому что массы были религиозны, впитывая религиозное мировоззрение с молоком матери и утверждаясь в нем неотразимым влиянием среды, унаследованных привычек, быта и взглядов. Но тогда и сами массы владели тем же орудием и могли обращать его против своих господ. И вот, исторический материализм открыл, что все великие реформационные сдвиги, что все секты и раскольничьи организации были организациями борьбы, и, выкидывая религиозные лозунги, проводя новую религиозную идеологию, по существу добивались мирских целей: земли, орудий производства, планомерного распределения хозяйственных благ, завоевания власти. В этом заключалась суть дела и для немецкого „башмака“ и для швейцарских и немецких анабаптистов, и чешских гусситов и английских индепендентов, и русских старообрядцев и сектантов, а в древности на такой же социальной основе базировалось и изра-

ильское пророчество, и иудейское zealotство, и первоначальное христианство.

Когда таким образом было вскрыто социальное содержание религии, новый свет пролился и на развитие религиозных идеологий. Религиозные верования не остаются неизменными; медленно, но заметно, изменяется и культ. Изучение религии, как социального явления, дало возможность установить теснейшую зависимость этих изменений от смены экономических явлений, смены социальных факторов, смены политических идеологий. Религиозная догматика оказалась не чем-то данным или фантастическим умозрением отдельных богословов, но построением, всегда зависящим от всей совокупности материальных условий жизни данного общества. Традиционные верования и культы при этом оказались имеющими изумительную способность к приспособлению, хотя иногда, при революционных взрывах, как было например в XVI веке, официальные догматы и обряд также терпели изменения, а жестокое крушение. И по отношению к ранней христианской догме оказалось действующим то-же правило. Не только по своему происхождению христианство оказалось обусловленной религией, но

и по своему развитию. Жестокий социальный кризис I века создал идеологию второго пришествия, эсхатологическую доктрину; Иисус представлялся предводителем небесных сил, идущих произвести кровавый разгром богатых и насильников и передать царство христианам. Когда во II и III веке сгладилась острота кризиса, когда вновь создавшиеся отношения отстоялись, и прежние враги христианства стали его адептами, Иисус Христос стал представляться трансцендентным спасителем людей от греха и смерти, обеспечившим им в туманном безбрежном будущем воскресение из мертвых и жизнь вечную.

Ученые материалистического направления, к сожалению, не занимались историей религии особенно много. Они разработали только некоторые отдельные вопросы, по некоторым отдельным эпохам, примеры из которых были только что мною приведены. Из ученых-материалистов, поработавших над историей религии, на первом месте надо поставить, кроме упоминавшегося уже Кунова, немецкого марксиста Каутского, который лично занимался историей раннего христианства, и сверх того, объединил под своим руководством группу марксистских историков,

разработавших историю великих социально-религиозных движений XIV—XVII веков. Из русских историков-материалистов в области истории русской религии и церкви работал М. Н. Покровский и работает автор этих строк. Внимание марксистов, главным образом, отвлекалось естественно в сторону изучения хозяйства и общества в чистом виде; с другой стороны для некоторых марксистов и в особенности для многих современных деятелей русской революции, религия есть прежде всего объект обличения и нападения, а не изучения и исследования. Вследствие этого по отношению к изучению религии имеющиеся труды марксистов должны рассматриваться только, как первая, но очень глубокая разведка, наметившая вехи и способы будущего исследования; в силу этого марксизм в области изучения религии еще не выработал окончательно таких же точных и определенных приемов изучения, как по отношению к другим областям науки об обществе, и главная его работа еще впереди.

Такова история науки о религии. Каковы ее перспективы? Они неодинаковы в разных странах и при разных условиях. В специфической стране ученых и на родине

марксизма, в Германии, наука о религии пока еще не имеет под собою благоприятной почвы. В академическом мире богословские факультеты отнеслись отрицательно к учреждению специальных кафедр истории религии, а крупнейший авторитет современной германской богословской науки, Гарнак, учитывая, очевидно, всю опасность новой науки для богословия, отнесся к ней совершенно отрицательно. По его мнению, история религии вообще есть ненаучный дилетантизм, бессильный справиться с необозримым материалом религиозной истории всех веков и народов; в частности, по мнению Гарнака, христианскому богослову общая история религии совершенно не нужна, так как в специальной истории религии, которую он занимается, т. е. в истории иудео-христианской религии, он владеет единственным в своем роде образцом всеобщей религии: кто знает ее одну, тот знает все! И в германских университетах, к их стыду, отдельные курсы истории религии читались крайне редко и преимущественно учеными не немецкими. С другой стороны, германские марксисты заняты сейчас жестокой политической борьбой среди кризиса, порожденного крахом империи Гогенцолернов, и их

внимание направлено гораздо больше на практическую злобу сегодняшнего дня, чем на теоретическое изучение прошлого. В соседней Голландии в области академической науки перспективы истории религии несколько лучше, но также не вполне благоприятны. Правда, богословские факультеты голландских университетов еще в 1876 году были преобразованы в религиозно-исторические факультеты, независимые от церкви, а затем были введены самостоятельные кафедры истории религии; но и в преобразованных факультетах все таки осталась прежняя протестантско-критическая закваска, подходящая к изучению религии всегда с известной презумпцией в пользу христианства. Лучше дело обстоит в академической науке Франции и особенно Англии, где выдвинулось несколько ярких имен; но достаточно вспомнить, каким огромным влиянием еще пользуются в этих странах церковные круги, чтобы остережиться от слишком оптимистической оценки перспектив науки о религии и в этих странах. Этот прогноз тем более имеет силу, что и в Голландии, и во Франции, и в Англии независимая от церкви марксистская наука о религии еще совершенно отсутствует.

Для безостановочного и правильного роста науки о религии нужна такая же свободная от всяких приводящих презумпций обстановка и атмосфера, как и для всякой другой науки. Историк религии должен иметь не только формальное, но и фактическое право совершенно свободно и без всяких оглядок и оговорок заниматься своими исследованиями, как и химик, физик, математик, лингвист или этнолог. Для этого нужны, в первую голову, особые социально-политические предпосылки. И приходится сказать, что европейский и американский запад, несмотря на все свои колоссальные успехи в области точных наук, успехи, граничащие в настоящее время с полным переворотом в прежних научных теориях и открывающие совершенно неслыханные, безбрежные перспективы, как раз для научного изучения религии не обладает надлежащими социально-политическими предпосылками. Господство олигархии капиталистов опирается, правда, с одной стороны на успехи науки и техники, находящихся в их руках, но с другой стороны опирается и на религиозные авторитеты; и несмотря на прорывающееся иногда сознание всей противоречивости такого положения буржуазные

властители Европы и Америки все еще сохраняют алтарь и трон в ряду главнейших орудий своего господства. В Советской Федерации сейчас нет таких материальных условий для быстрого наступательного развития точных наук и техники, какими обладает богатый и жадный запад; но мы вправе с гордостью и радостью сказать, что только в Советской Федерации имеется сейчас на лицо надлежащие социально-политические предпосылки для свободного изучения религии, как предмета науки. Эти предпосылки созданы на наших глазах необычайным переворотом последних лет. Великая Российская революция выступила с такими социальными лозунгами, которые, при их претворении в жизнь, решительно и бесповоротно отвели религию в повседневной жизни подобающее ей место: частного дела граждан, не имеющего право претендовать на политическое влияние. Великая Российская революция выдвинула на первое место класс, который по своей психике всего менее заражен религиозными предрассудками и легче всех других способен от них освободиться, и тем самым обеспечила решительное и прочное проведение принципа безрелигиозного государства. Великая Российская революция, наконец,

выступила не только во имя великих социальных лозунгов, но и во имя обосновывающего их могучего мировоззрения, материалистического по своей сущности и с методологической стороны наиболее чисто и последовательно проводящего принцип рационального объяснения всех явлений мировой жизни. Тем самым великая Российская революция создала наиболее благоприятные для науки о религии обстановку и атмосферу. Вопросы религии стали предметом массового свободного обсуждения; в университетах учреждены специальные кафедры истории религии, и немногочисленным имеющимся у нас ученым, которые раньше занимались историей религии приватным образом, дана возможность углубиться самим в новую науку и подготовить в ее области новых специалистов, вне всякого давления или влияния богословия, в спокойной уверенной атмосфере научного исследования, при полной свободе для применения и материалистического метода, доселе гонимого. И я не могу удержаться, чтобы не выразить по этому поводу и мои личные чувства. Я бесконечно счастлив, что мне выпало на долю быть одним из этих пионеров науки о религии в России, что хоть вторую, более

краткую половину моей жизни я могу, наконец, посвятить тому делу, которому я мечтал посвятить себя еще на студенческой скамье. Я счастлив тем, что судьба сделала меня участником новой русской жизни, новой русской науки, нового русского университета. Нам много дано, с нас много и спросится. Но уверенность и энергия в работе нам дается тем отрадным и счастливым сознанием, что мы живем в такое время, когда особенно отчетливо во всем мире чувствуется мерная поступь истории, непреклонно ведущая к сумеркам богов и к ослепительному торжеству всепобеждающего знания.

